

SCHMITTIANA

Александр Михайловский*

Биографический пазл: Райнхард Меринг о «взлете и падении» Карла Шмитта

Reinhard Mehring. Carl Schmitt. Aufstieg und Fall. Eine Biographie. München: C. H. Beck, 2009. — 750 S.

Аннотация. В статье сделан критический обзор новейшей биографии немецкого юриста и политолога Карла Шмитта, написанной Р. Мерингом. Автор показывает специфику подхода Меринга к биографии и останавливается на некоторых типичных примерах, свидетельствующих о том, что Меринг, хотя и не пытается дать целостное и методически выдержанное жизнеописание Шмитта, создал труд, богатый уникальными историческими сведениями.

Ключевые слова. Шмитт, Германия, нацизм, политическая теология, сексуальность.

Новая биография Карла Шмитта просто должна была появиться. Ведь наиболее полное до сих пор биографическое исследование Пауля Ноака (1993) увидело свет через два года после публикации скандального дневника Шмитта 1947—1951 гг. «Глоссарий». Выход же объемной книги гейдельбергского политолога Райнхарда Меринга предварил настоящий салют с несколькими залпами. Два года назад самые разные издательства — от берлинского «Duncker & Humblot» до франкфуртского «Suhrkamp» — озадачили рецензентов, выпустив несколько томов корреспонденции Шмитта с издательским редактором Людвигом Фейхтвангером (братом знаменитого писателя), учеником Эрнстом Форстхоффом (одним из крупнейших конституционалистов послевоенной Германии), философом-оппонентом Хансом Блюменбергом, эссеистом и другом семьи Гретой Юнгер, наконец, правым публицистом Хансом-Дитрихом Зандером. В распоряжении биографа к этому моменту оказались и восемь томов «Шмиттианы» (1988—2003) Пита Томмиссена, и новейшие исследования Мартина Тильке¹ и Дирка ван Лаака² по интеллектуальной истории Третьего рейха и ранней Федеративной Республики, и опубликованные дневники военного времени (1915—1916 гг.). Кроме того, автор пользовался консультациями основателей Общества Карла Шмитта в Плеттенберге (с 2007 г.) Герда Гислера и Эрнста Хюсмерта, двух близких друзей Шмитта.

Новая биография Карла Шмитта просто должна была появиться, но она могла быть и другой. Например, такой, как биографическая книга журналиста Хаймо Швилька (2008) об Эрнсте Юнгере, которая фактически поставила точку в деле канонизации еще одного Zeitzeuge, свидетеля XX века. И хотя канонизации Шмитта — проклинаемого одними и возносимого другими — не ожидал никто, на целостную реконструкцию жизни и творчества классика юридической и политической мысли имели полное право надеяться не только любители интеллектуальных биографий.

Классическая герменевтика требовала от интерпретатора перенесения в чужую духовную жизнь посредством грамматических, реально-исторических и психологических штудий. Понимание смысла творений осуществлялось на основании манифестаций внутренней жизни гения и при допущении принципиального единства человеческого духа. В этом смысле литературный жанр биографии выступал в качестве наиболее поучительного примера приложения герменевтического метода.

Другой, радикально отличный, тип интерпретации был предложен психоанализом, в том числе применительно к биографии. В отличие от герменевта, биограф-психоаналитик стремился

---

* Михайловский Александр Владиславович — кандидат философских наук, доцент факультета философии ГУ-ВШЭ, эл. адрес aleksander@mail.ru

© Михайловский А., 2009

© Центр фундаментальной социологии, 2009

¹ Tielke M. Der stille Bürgerkrieg. Ernst Jünger und Carl Schmitt im Dritten Reich. Berlin, 2007.

² Van Laak D. Gespräche in der Sicherheit des Schweigens: Carl Schmitt in der Geistesgeschichte der frühen Bundesrepublik. Berlin, 1993.

свести уникальное к типологическому, странное — к известному. В результате главный объект такой терапии, как правило, демонстрировал все признаки мономании самого терапевта.

Подход Райнхарда Меринга, создателя монографий о Мартине Хайдеггере и Томасе Манне, в равной мере не вписывается ни в герменевтический принцип «целое понимать из частей, а части — из целого», ни в психоаналитический редукционизм. Автор не ставит перед собой никаких исследовательских задач, а потому его очень информативную биографию даже нельзя назвать «аналитической». Аналитические биографии методически выдвигают некий общий тезис относительно какого-то значимого социокультурного феномена, а затем на основе анализа источников пытаются подвести жизнеописание под соответствующую рубрику. Меринг — сознательно или нет — даже не пытается «собрать» своего персонажа на основе «микрособытий». Перед читателем открывается грандиозный биографический пазл, в котором нет важных и второстепенных, центральных и маргинальных деталей. Пазл, который невозможно сложить «правильно». Пазл, который постоянно распадается на части. Жизнь и творчество Шмитта, по признанию биографа, остаются «многозначными и загадочными». Но читатель биографии вправе радоваться: он получает почти безграничную свободу для сотворчества.

Тем не менее подобрать ключ к книге кажется делом посильным. Ключ этот — в необычном посвящении, вынесенном на отдельную страницу. «Хансу Геххардту (1925), единственному читателю стенографии Карла Шмитта». Книга Меринга в значительной мере основывается на материалах из наследия и привлекает транскрибированные, но еще не напечатанные дневники, главным образом, периода Веймарской республики. Очевидно, автор отдает себе отчет в том, что ему не удастся сказать ничего нового о политической философии/политической теологии Шмитта после монографий Хассо Хофманна (1964) и Хайнриха Майера (1988). Изложение многочисленных статей и трактатов Шмитта, действительно, ограничивается прилежными рефератами на одну-две страницы. Зато он с усердием и мастерством рисует множество масок — Доноса Кортеса, Дон Жуана, Жюльена Сореля, Гоббса, Гамлета и других реальных и литературных персонажей, — под которыми скрывался хитроумный и пронизательный правовед. Как будто сам материал подсказывает ему такой ход: первая пассия и жена Шмитта Павла Доротич («Кари») оказалась авантюристкой, выдававшей себя за сербскую графиню. «Непосредственность» и «фактичность» дневников дают возможность заглянуть за теоретические построения суверенного эстета и увидеть там... успешного провинциала-карьериста, мучимого любовной лихорадкой и терзаемого душевными сомнениями. В одном месте Меринг аттестует Шмитта: «Как частный человек он склоняется к индивидуализму, хотя в теории подвергает его анафеме». Такие формулировки — его конек.

Здесь следует оговориться: было бы несправедливо вменять Мерингу в вину принципиальную негерменевтичность его подхода. Поэтому разумнее оставить пространство для вопроса: а может быть, предложенный метод работы на стыке публичного и частного продиктован самим предметом? Исходя из личности Шмитта, вполне модернистской, напрашивается догадка, что все ее противоречия так или иначе связаны с апориями модерна и попытками преодоления культурного кризиса. В самом деле, не так просто писать о герое, который хочет и не хочет быть героическим. И здесь трудно не согласиться с метким замечанием биографа относительно творческого и жизненного стиля Шмитта: «Экспрессионизм и дадаизм в конце концов торжествуют над схоластикой».

В 1918 году 30-летний автор опубликовал в журнале «Summa» (редактор — Франц Бляй, близкий друг Шмитта до 1933 года) эссе под названием «Die Buribunken». Эта злая сатира стала своего рода пробой пера перед написанием «Политического романтизма». Бурибунки — выдуманный народец, отмеченный страстью к ведению дневников и потому сплошь состоящий из писак. Такими бурибунками Шмитту виделись не только литераторы-прогрессисты, но и все эмансипированные порождения индивидуализма, подвизающиеся на ниве современной науки. Бурибунк есть «самопишущийся, самодвижущийся и перехитряющий самого себя мировой дух в своей непосредственной, непровержимой фактичности», — подытоживал Шмитт стилизованный трактат по бурибункологии. Пикантность этой сатиры заключалась в том, что сам высочайший критик бурибунков-субъективистов тайне руководствовался главной их заповедью: «Будь историей для самого себя!», или в другой формулировке: «Живи так, чтобы каждая секунда твоей жизни могла быть занесена в дневник и попасть в руки твоим биографам».

Бесчисленные блокноты, карточки, оборотные страницы календарей несут на себе следы этой нарциссической страсти. Своеобразие материала сказалось и на языке Меринга, который буквально сражает своим брутальным стенографизмом и телеграфизмом. Цитируем наугад (глава называется «От status quo к демократическому „мифу“»; внешняя канва событий: Шмитт преподает в Бонне, вторая жена Душка Тодорович лечится в санатории от туберкулеза, Официалат Кёльнского

архиепископства официально отказывается признать первый брак недействительным, Шмитт встречает продавщицу Лицци, которая через пару дней появляется уже под именем Магды): «Отто Кирххаймер начинает посещать семинар, становится преданным учеником и еще до 1933 года оказывается основателем чего-то вроде марксистского “лево-шмиттианства“. Историк Ханс Ротфельс приезжает с визитом из Кёнигсберга. Дядя Андрэ видит в расторгнутом браке «судьбу Штайнлайна». Магда «мила, отдается, но какая-то резкая» (19.10.1926). На Рейне прохладно, поэтому Карл забирается с Магдой на вокзал или в тихий дом, где им изредка мешает только прислуга, девица Веберс. Шмитт снова читает *Отелло*. Он пишет работу о 48-й статье Конституции, читает диссертации и с радостью отмечает работу Эрнста Рудольфа Хубера. Ночью, накануне возвращения Душки домой, «в саду вор». Приходит полицейский чиновник. «Удивительное чувство, что жена дома» (01.11.1926). Шмитт ложится «с Душкой в постель», и ему в какой-то момент кажется, что «с Магдой покончено» (03.11.1926). Но в сексуальном плане с Душкой не складывается. «Эякуляция. Но без избавления. Нет овладения — нет избавления» (S. 197–198). И продолжение коллизии тремя страницами далее: «В середине апреля Душку выписывают из больницы. Шмитт очень рад, хотя он по-прежнему ходит к Магде и точно записывает в дневнике свои «эякуляции». По завершении *Понятия политического* регулярно упражняется в стрельбе из пистолета и ружья. Отто Кирххаймер, Хайнрих Роммен и Карл Георг Хирш теперь звезды семинара» и т.д.

В первой цитате, выписанной случайно, но типичной для книги, есть, однако, вещи совсем неслучайные. Так проблескивает шанс сложить хотя бы часть пазла. Здесь встречается слово «избавление», *Erlösung*, которое имеет отчетливое религиозное звучание. Боннские годы оказались для Шмитта тем периодом, когда он во внутренней полемике со специалистом по церковному праву Рудольфом Зомом (*a propos*, профилирование второстепенных фигур — одна из весомых заслуг Меринга как биографа) делает католицизм своим политическим кредо.

Отличительной чертой эпохи было включение новой католической духовности в литературный модерн и утверждение религиозного чувства по ту сторону клерикальной организации. Шмитт зачитывается Шарлем Моррасом и кардиналом Ньюменом (в котором он подозревает «еврея»), Жоржем Бернаносом и Леоном Блуа, завязывает контакт с Жаком Маритеном. Наконец, обращается к испанскому теоретику контрреволюции XIX века Доносо Кортесу и, противопоставляя интенсивность «решения» презренной *clasa discutidora*, превращает «политическую теологию» в свою политическую программу. Политическое различие между другом и врагом, политическое как предельная интенсивность конфликта оказывается отблеском абсолютной вражды между Богом и сатаной, а последняя выступает в виде альтернативы Бога и мира как состояния языческой приверженности кумирам и зависимости от женского пола. Дневник не раз говорит о бремени выбора между Богом и Женщиной.

Стараясь подчеркнуть склонность Шмитта к поляризациям, Меринг снабжает почти каждую главу своей биографии соответствующей таблицей. Например, такой:

Политико-теологические фронты

Гоббс/Доносо Кортес	Спиноза/Кант
Децизионизм	Нормативизм
Персонализм	Механизм
Теизм	Атеизм
Христианство	«Еврейский дух»

Или такой:

Поляризации Шмитта

XIX век	XX век
Бюргер	Солдат
Философский романтизм	Профанно-религиозный теизм
Дискуссия	Решение
Либерализм/парламентаризм	Цезаристская диктатура

Нельзя не отметить еще одну поляризацию, или, точнее, строгое методическое различие, проводимое Шмиттом между *eros* и *caritas*, любовью (по отношению к женщине) и милосердием (по

отношению к супруге). Вообще, развивая женскую тему у Шмитта, Меринг развеивает миф о латентной гомосексуальности, придуманный Николаусом Зомбартом для выявления «психопатологических элементов» у Шмитта. А именно, будто децизионизм — не что иное, как «типичный невроз мужской сексуальности эпохи вильгельминизма» (дословное определение Зомбарта-мл.).

Удивительным образом любовные эскапады Шмитта находят свое точное соответствие в эскападах религиозно-политических. Конец 1920-х годов, когда Карл Шмитт переезжает в Берлин, сближается с кругом «новых националистов» вокруг Эрнста Юнгера и выпускает новую, более радикальную редакцию своего манифеста «Понятие политического», проходит под знаком «чрезвычайного эротического положения» (*erotischer Ausnahmezustand*).

Март-апрель 1929 года, сообщает Меринг, Карл Шмитт проводит в Италии. После Сан-Ремо он едет насладиться «языческим Римом» и там вместе с проституткой отправляется на просмотр французского фильма «Страсть Жанны д'Арк». Меринг усматривает здесь двойную идентификацию Шмитта со святой Девой — с одной стороны, он ощущает себя жертвой церковной юстиции, отказавшей ему в расторжении брака, а с другой — ставит себя на место культовой фигуры французского национализма. Эту классику немого кино, снятую Карлом Теодором Дрейером, Шмитт смотрел больше десяти раз и охотно цитировал в своих националистических выступлениях: «Святая Иоанна пришла на помощь своему народу в тяжелой военной ситуации <...> Почти каждая фраза из уст святой — ответ, который может взять себе на вооружение любая нация. Отвечая на вопрос, не думает ли она утверждать, будто Бог ненавидит англичан, она ответила, что не знает этого, но знает точно, что англичане должны убираться из Франции. Вот ответ, который <...> каждый народ должен дать своим угнетателям и эксплуататорам!» (S. 255)

Меринг воздерживается от однозначных политических и идеологических оценок. В этом еще одна сильная сторона биографии, хотя именно поэтому ее ожидает сдержанный прием как у друзей, так и у врагов Карла Шмитта. В частности, его левые критики будут серьезно разочарованы, не найдя подтверждения расхожей легенде о правоведе Шмитте, который якобы проложил путь национал-социалистам. Так, Меринг серьезно обосновывает точку зрения, что Шмитт в сочинении «Легальность и легитимность» (1932) хотел помешать захвату власти Гитлером. До 1933 года он не выступал за «тотальное государство фюрера». Он «предупреждал о возможности «легальной революции», о том, что враждебные Конституции партии придут во власть легальным путем, исключат политического противника и закроют «дверь для законности», т.е. предупреждал, что как раз и произошло между 30 января и 23 марта 1933 года. Но несмотря на то, что вся конституционная теория Шмитта (он лично консультировал Папена, поддерживал Шляйхера) строилась как оправдание президентской системы, его «авторитарное государство» имело столь же мало шансов обрести зримые формы, сколь мало сам Шмитт годился на роль последнего «катехона», начала, которое могло бы сдержать приход к власти национал-социалистов.

Общеизвестно, что пик карьерного взлета Шмитта до «коронного юриста» рейха был связан с его переходом под новые знамена. Меринг вновь рисует Шмитта в ситуации кризиса: вечером 30 января он болеет гриппом, на интронизацию Гитлера и «выжившего из ума» Гинденбурга смотрит весьма скептически. Но уже через пару недель он передает себя в распоряжение новой власти. Меринг перечисляет 42 (*sic*) мотива, которые могли повлиять на это судьбоносное решение и привести того, кто считал себя «чистым теоретиком», в самое чрево Левиафана. Не имея возможности воспроизвести весь чрезвычайно интересный список, предложим свою подборку. «Социально-исторический аргумент: время и политическая форма буржуазии в прошлом! «государство XX столетия» должно быть другим»; «антилибералистский аргумент: национал-социализм реализует мой концепт авторитарной, антилиберальной вождистской демократии, открыто различающей друга и врага»; «националистический аргумент: национал-социализм как «национальная революция» обладает легитимностью «немецкого» сопротивления «победителям» 1918 г.»; «харизматический концепт: Гитлер — харизматичный фюрер! Геринг и Франк тоже; оппортунистский аргумент: все не так плохо! другие тоже за!»; «аргумент от хюбрис (гордыни): я (великий, незаменимый) немецкий юрист! только я могу навести порядок!»; «чувство ресентимента: все меня презирают и обманывают! ну теперь-то я им покажу!»; «макьявеллистский аргумент: от моральных ограничений в политике один вред! мы находимся в естественном состоянии!»; «антисемитский аргумент: евреи — наша беда! ассимиляцию необходимо как-то прекратить!»; «эсхатологический аргумент: мы должны провести решительное религиозное сражение!» (S. 311–312)

Одним словом, Меринг не оставляет никаких сомнений, что Карл Шмитт заключил пакт с «низкими демонами» (выражение Эрнста Никиша). Вместе с тем биограф далек от того, чтобы

демонизировать самого «великого и ужасного» теоретика политического. Он не занимался законотворчеством при нацистах. Давно лелеемая мечта о «доступе к властителю» быстро развеялась. После нападок в журнале СС «Das Schwarze Korps» и обвинений в связи с «гомофильским политическим католицизмом» Карл Шмитт практически лишается всякого серьезного влияния и оказывается не у дел.

Провал карьерной стратегии Шмитта в Третьем рейхе Меринг объясняет его роковой связью с президентом «Академии немецкого права» Хансом Франком, который с 1939 года являлся губернатором оккупированной Польши. Приведем лапидарное суждение биографа: «Шмитт не только сделался пособником бесовских национал-социалистов, но и поставил не на ту лошадь» (S. 328). Получается, Шмитт как бы импульсивно отдался «движению» и порожденным им институтам, утратив всякое «этикетское» чутье. А между тем оно могло бы подсказать ему, что власть останется в имперских министерствах, в руках бюрократии. И здесь мы вспоминаем, что где-то за сто страниц до описания этой авантюры Меринг цитировал очередную заметку из дневника: «В городском трамвае рядом с женщиной. Внезапный электрический разряд. Бежал за ней как за гипнотизированным» (30.01.1933). Как раз в этот день Гитлер был назначен рейхсканцлером, а Шмитт слег вечером с гриппом (соответствующее описание находим только на S. 304).

После войны Шмитт неоднократно жаловался, мол, Гитлер и Франк его соблазнили и обманули, как когда-то Кари... Сложить пазл со Шмиттом и Франком все же удастся, да так, что читатель невольно вздрагивает, добравшись до последней страницы жизнеописания. На похоронах Шмитта в пасхальную неделю 1985 года младший сын казненного по приговору трибунала Ханса Франка, Никлас Франк, заглядывает в кладбищенской часовне под крышку гроба и утверждает, что узрел под ней своего отца по плоти.

Меринг с точностью документалиста прослеживает все зигзаги этой удивительной жизни длиной в столетие. Выйдя из Нюрнбергской тюрьмы, Шмитт обосновывается в своем родном городке, провинциальном Плеттенберге, где постепенно создает духовный центр власти, из которого исходят творческие эманации в интеллектуальную жизнь Федеративной Республики. В последней части биографии одну из центральных ролей играет фигура Эрнста-Вольфганга Бокенфёрде, позднее избранного судьей Федерального конституционного суда. Он выступает душеприказчиком своего учителя, влияет на интерпретацию его работ и формирует «мягкий вариант» рецепции Шмитта. И в результате идеи Шмитта оказываются востребованы социал-демократическим реформаторским дискурсом.

Пережив «взлет и падение», Карл Шмитт продолжает незаметный труд бурибунка и неустанно ткёт вокруг себя «легенды» и «фикции». То он представляется персонажем Германа Мелвилла, благородным капитаном Бенито Серено на корабле, захваченном мятежными неграми, то хочет казаться «катехоном» из послания Ап. Павла, последней преградой на пути «сына погибели», то переоблачается в нерешительного Гамлета, как и приличествует невольному участнику «всемирной гражданской войны», то видит себя Одиссеем, который «многих людей города посетил и обычаи видел» («познал номос», переводит Шмитт). И возможно, его взору снова и снова рисуется образ Орлеанской девственницы в исполнении трогательной Рене-Жанны Фальконетти. Впрочем, об этом нам уже не рассказывает ни дневник, ни Меринг...